

Николай Скиба

Перепрошивка планеты

<https://litres.ru/73972891>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хуже потерянного экипажа может быть только одно — экипаж, который планета не хочет отдавать обратно.

В штатном расписании экспедиции я числюсь как старший радиоинженер. Моя работа — слушать эфир. Когда многотонный вездеход с биологами бесследно растворяется в «абсолютно безопасном» лесу, мне приходится идти в составе штурмовой группы.

Но едва наш тяжелый БТР пересек границу леса, как мы оглохли и ослепли. Что-то в этой изумрудной зоне подчистую сжирает радиоволны — физика здесь работает по чужим, пугающим чертежам.

Чтобы вытащить людей из смертельной ловушки, мне предстоит столкнуться с тем, что опережает человечество на миллионы лет.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Скиба

Перепрошивка планеты

Глава 1.

Хуже потерянного экипажа может быть только одно — экипаж, который не хочет, чтобы его нашли.

В штатном расписании экспедиции Роскосмоса я числюсь как Марк, старший радиоинженер. Моя работа — слушать эфир и следить за тем, чтобы база никогда не осталась слепой и глухой. Мы находились на этой планете уже четырнадцатый месяц, делая великое, но рутинное дело: готовили этот мир к прибытию первого колониального флота Земли. Бурили кору, брали пробы воды, настраивали ретрансляторы.

И до сегодняшнего дня планета казалась безопасной.

Погода стояла идеальная. Вездеход биологов просто въехал в изумрудные заросли, чтобы эти любители гербариев нащипали очередных листиков, и растворился.

Самое паршивое, что квадрат считался «зелёной зоной». Идеально безопасная песочница, в которой ботаники умудрились потеряться на многотонной машине.

За последние полгода наши беспилотники облетели там каждое дерево, а биологи исходили опушку вдоль и поперёк.

Безопасный сектор. Был. До сегодняшнего дня.

И этот день начинался как обычно.

В 09:40 я зашёл в столовую базы за термокружкой. Кофейный автомат стоял у дальней стены, рядом с выходом в технический коридор. У соседней стойки, перед окнами с видом на стартовую площадку вездехода «Ермак», сидели биологи и завтракали кашей с замороженной ягодой.

Соколов заметил меня первым.

— Марк, иди сюда. У нас вопрос по бортовой рации.

Я подошёл.

Соколов был старшим биологом группы, лет пятидесяти, с седой щетиной и постоянно прищуренным правым глазом от привычки работать в полевом микроскопе. Юй — биолог-ботаник из Владивостока, методичный мужик лет сорока, никогда не повышавший голоса. Третий за столом — стажёр Артём. Года двадцать два — сегодня его первый дальний выход, отчего пальцы на ложке мелко дрожали.

— Что с рацией?

— На «Ермаке» вчера менялась трубка тангенты, — Соколов протянул мне планшет с актом замены. — Распишись, что сегодня утром её прозвонил.

— А я её прозвонил?

— Я сейчас прозвоню, — встрял стажёр. Голос у него ломался от спешки. — Марк Викторович, я могу к вам в радиорубку?

— Идём после завтрака. И не Викторович. Просто Марк. Но прозвоню сам.

— Извините.

Я налил себе кофе и сел напротив Юя. Тот ел ровными движениями, не отрывая взгляда от «Ермака» под облачным куполом ангара.

— Куда сегодня?

— Восточная опушка четвёртого квадрата, — ответил Соколов за всех. — У Юя гипотеза по местному железистому папоротнику. Вокруг этого папоротника заметно проседает фон на средних волнах. Тебе должно быть интересно.

— Привезите образец. Положу под анализатор.

— Привезём.

Стажёр доел кашу за минуту, попросил разрешения встать и пошёл со мной к лифту в радиорубку. Я молча прозвонил трубку тангенты на стенде, расписался в акте и отдал ему планшет.

— Артём, ты же в первый раз в выходе?

— Так точно. То есть, да. В дальнем выходе да, в первый.

— Не бойся. Маршрут отработанный, биологи опытные. На разгрузке тангента вот здесь находится, кнопка экстренного канала вот эта. Если что — жми и говори. Не дрейфь.

— Понял.

Стажёр вышел из аппаратной с планшетом подмышкой. Через сорок минут «Ермак» прошёл шлюз и ушёл на восток.

Кофе в кружке остыл часа полтора назад. Я держу её исключительно ради тепла — от пластиковой клавиатуры паль-

цы немеют за полчаса работы.

В аппаратной всегда стоит холод — серверная стойка СВЧ-комплекса сжирает половину кондиционирования базы, и тянет тем самым сухим воздухом, который только что обдувал процессоры. К нему примешивается запах старой запёкшейся пыли с радиаторов.

Передо мной выстроились шесть мониторов: телеметрия «Ермака», карта Квадрата-4 с последней зафиксированной точкой, спектроанализатор дециметрового диапазона, журнал событий, канал орбитального ретранслятора «Парус-3» и спектроанализатор УКВ. Из всех шести экранов меня сейчас держит в кресле только последний.

Вездеход «Ермак» с командой биологов вышел из прямой радиовидимости в 11:47. По стандартной процедуре при заходе в плотный лесной массив из-за поглощения биомассой сигнал на УКВ проседает, поэтому связь дублируется через «Парус».

Биологи — Соколов, Юй и стажёр, фамилию которого я так и не запомнил — должны были каждые пятнадцать минут отстукивать короткий пакет с координатами, температурой за бортом и телеметрией двигателя.

В 12:02 пришёл штатный рабочий пакет. В 12:17 эфир замолчал.

Я не сразу поднял тревогу.

Лес здесь высокий, кроны смыкаются на сорока метрах, в подлеске сидит железистый папоротник, который душит сан-

тиметровые волны. Машина могла уйти в низину между возвышенностями и потерять «Парус», пока не выкатится на открытое место. Я давал ей сначала пятнадцать минут, затем тридцать, и, наконец, час.

Сейчас на часах 13:21, и я всё ещё смотрю на спектроанализатор. Объяснить картину на этом экране мне нечем.

Чистого эфира в природе не существует. Это первое, что втолковывают любому радиоинженеру.

Вселенная всегда фонит — излучение звезд, грозовые разряды, наводки от силовых кабелей базы. На экране спектроанализатора всё это дает привычную дрожащую картину — неровную зелёную «траву» помех. Это нормальный, грязный, живой мир, в котором я работаю шестнадцать лет.

Навёл маркер на участок Квадрата-4, поднял усиление до предела и сузил полосу разрешения.

На экране протянулась идеально прямая зелёная линия — словно её провели по линейке.

Ничего. Ни радиосигналов, ни теплового шума, ни даже космического фона. Сигнал упирался в абсолютный, мертвый ноль.

Я моргнул и хладнокровно перезапустил систему. Прогнал калибровку — аппаратура работала идеально. Перекинул антенну на соседний квадрат, и эфир тут же взорвался привычным шумом и треском.

Что за?..

Вернул антенну на Квадрат-4 — на экране снова застыл

мертвый штиль.

Под рёбрами медленно поднялся ледяной холод. За всю карьеру я ловил это ощущение дважды, и оба раза оно означало одно — прибор не врет. Он показывает реальность, которая по законам физики существовать не должна.

Лес в Квадрате-4, он просто... подчистую снимал электромагнитное поле с эфира — без следа.

Открыл журнал и записал наблюдения.

За спиной негромко переключился кондиционер. Я отхлебнул из кружки остатки чая и почувствовал на языке холодную горечь. На экране карты мигала жёлтая точка — последняя известная координата «Ермака». Семь километров от опушки, на просеке у безымянной реки.

Я смотрел на эту точку и думал про стажера, которого отправили с биологами. Пацану двадцать два года, первый вылет в дальний космос. Я даже не удосужился выучить его фамилию, называл просто «студентом». Если они провалились в какую-то аномалию, бедолага сейчас напуган до смерти.

Что ж, ждать больше нельзя.

Снял трубку внутренней связи и набрал начальника смены.

— Виктор Палыч. Это Марк из радиорубки. Поднимай руководителя экспедиции.

— Связь не восстановилась?

Я посмотрел на идеально прямую зелёную линию.

— Хуже. У нас исчез эфир.

Дверь аппаратной за моей спиной открылась без стука. По длине шага и весу подошв я узнал майора Ковалёва прежде, чем он успел дойти до моего кресла.

— Марк, доложи обстановку.

Я не стал поворачиваться сразу — закрыл активную сессию журнала, и только потом развернул кресло.

Ковалёв стоял у соседнего пульта в полевой форме без каски, с планшетом подмышкой. Лет сорок пять, под метр девяносто, та самая выправка, которую не вытравить из позвоночника никакими годами штабной работы.

В нагрудном кармане у него, как всегда, торчал потрёпанный блокнот. За всё время на этой базе я не видел Ковалёва без него ни разу. Майор записывал туда вопросы и постоянно возвращался к ним, пока не получал по каждому решение. Мы в группе посмеивались, что блокнот тяжелее автомата.

— Тебя Виктор Палыч поднял?

— Виктор Палыч всех поднял. — Майор кивнул на третий экран. — Это и есть твоя «исчезла связь»?

— Это «исчез эфир». И это принципиальная разница.

— Объяснишь по дороге. Снаряжаю «двойку» — БТР-92 с группой быстрого реагирования. Капитан Беляев, фельдшер, двое стрелков, оператор беспилотника. Локаторы, тепловизоры, ночники, акустика, штатный пеленгатор...

— Секунду.

Майор замолчал. По нему было видно, что подобное обращение от инженера он терпит лишь один раз в год, и сей-

час был как раз тот случай.

— Что — секунду?

— Оператор беспилотника не понадобится. Локаторы и тепловизоры тоже можно не грузить. В Квадрате-4 они работать не будут.

— Тепловизор-то чего вдруг?

— Эта инопланетная дрянь работает как поролоновая губка для любых частот ниже видимого света, — я ткнул пальцем в мертвую линию на мониторе. — Лес сжигает радиоволны и тепловое излучение без остатка.

— На пальцах, Марк. Без лекций.

— На пальцах: вы там ослепнете и оглохнете. Твой стрелок посмотрит в тепловизор, чтобы найти горячий двигатель вездехода, и увидит черную стену. Подумает, что сдох аккумулятор. Наводчик включит локатор, а луч просто не вернется обратно — словно светишь фонариком в бездну. Обычное железо там превратится в мертвый груз.

— Это невозможно. — Ковалёв смотрел на экран, и я видел, как у него в голове скрипит знакомая работа.

— На моём втором курсе мне говорили то же самое. А сейчас я смотрю на эту прямую, и она что-то никуда не девается.

— Хорошо. А беспилотник?

— А ты еще не понял? — я посмотрел ему в глаза. — Я отправил туда дежурный «Орлан», как только вышел контрольный час ожидания. Едва только дрон пересек границу

квадрата — телеметрия сдохла, видеоряд оборвался. Он превратился в слепой кусок металла и рухнул в деревья. Эфира там нет, майор.

— Чёрт.

Он положил планшет на пульт и упёрся костяшками в столешницу, перебирая в голове опции. Их было немного.

— Что предлагаешь?

— Идти надо. По старинке. Берём катушку оптоволокну на пять километров — у меня на складе лежит бронированный полевой комплект. Тянем за БТР как пуповину. Любая связь по эфиру внутри Квадрата-4 невозможна, а вот проводной канал должен работать.

— Сколько катушек у тебя на складе?

— Три по пять — итого пятнадцать. До последней координаты «Ермака» всего семь километров. Запас на манёвр есть.

— Кто за катушку?

— Я, без вариантов. Стандартный связист не знает, как работает мой комплект, и не сообразит, что делать дальше, когда оптика тоже умрёт.

— Думаешь, оптика тоже умрёт?

— Не знаю. В этом и заключается главный смысл моего присутствия в группе. Мне нужно понимать происходящее в реальном времени. Стандартный связист с этим не справится.

— А ты справишься? — прищурился Ковалёв.

— Я возьму экспериментальную "эску" от Заслона. У неё программная архитектура. Если лес гасит стандартные частоты, я буду перебирать спектр вручную, пока не нащупаю дыру в этой аномалии.

Ковалёв смотрел на меня минуты полторы. У майора есть один профессиональный талант — он умеет считывать переменные с правильной скоростью.

— Ладно, считай согласовали. Выезд через сорок минут. Бронежилет четвёртого класса, шлем, аптечка — чтоб всё было, Марк. Оружием ты вроде владеешь?

— Знаком.

— Получишь АК-12. Беляев проинструктирует.

Ковалёв замер на секунду, кивнул сам себе и вышел.

Я развернулся к мониторам. На экранах ничего не изменилось: жёлтая точка карты мигала на старой координате, зелёная линия спектроанализатора не шевелилась. Мне предстояло собрать комплект для входа в условия, которые не описаны ни в одной инструкции по эксплуатации.

Когда я толкнул плечом тяжёлую гермодверь склада оборудования, до выезда оставалось тридцать четыре минуты.

Здесь всегда всё было одинаково — стерильный кондиционированный воздух с привкусом машинной смазки и нагретого пластика, ровный нейтральный свет от потолочных панелей и бесконечные стеллажи из серой стали. На номерных полках в антистатических пакетах лежали приборы — каждый со штрих-кодом, паспортом и подписанным актом при-

ёмки. Я знал этот склад наизусть — не раз пересортировывал здесь свой инструмент.

На третьем ряду нижнего яруса лежал стандартный набор связиста — ручной анализатор спектра «Аист-М», полевой пеленгатор, портативный сканер диапазонов. Я скользнул по ним взглядом и пошёл дальше. Эти приборы рассчитаны на нормальную физику — сегодня они мне не помогут.

Меня интересовал четвёртый ряд, верхняя полка под plombой с номером 47-К. Я приложил карточку доступа к замку, услышал ровный щелчок электромагнита и снял с полки кофр.

Ковр весил килограммов восемнадцать — титановый корпус, рёбра жёсткости, антивандальные защёлки, утопленные ручки. На крышке стоял логотип АО «ЗАСЛОН». Под ним аккуратной маркировкой было выбито: «БРЛС ВН-001 / опытный образец / экспериментальная серия / 2 экз».

Я перенёс кофр на технологический стол, освободил защёлки и поднял крышку.

Внутри лежала станция, выполненная из тёмно-серого матового корпуса с продольными охлаждающими рёбрами.

Обычно мы говорим: «Если я поцарапаю этот кофр, бухгалтерия Роскосмоса вычтет его стоимость из зарплат моих внуков». ВН-001 — экспериментальная БРЛС с активной решеткой, которую я про себя называл «Ухом» — стоила именно столько.

Я провёл пальцами по холодному металлу обтекателя и

поймал ладонью знакомую тяжесть приёмной головки. Эту машину собирали в Питере, на чистом производстве под пломбами военной приёмки.

Перевернул станцию на бок и проверил состояние разъемов. Колпачки на месте, контактные пары без следов окисления, маркировка читается чётко.

Подключил тестер питания к сервисному порту и дождался автодиагностики. Всё в норме.

Закрыл крышку и защёлкнул кофр.

Здесь начинался первый честный вопрос.

ВН-001 действительно был лучшим прибором в моём арсенале, но я не делал серьёзной ставки даже на его возможности. В стандартной конфигурации прибор увидит ту же прямую зелёную линию и ту же мёртвую зону. Просто честно отработает свою физику.

Шанс лежал в другой плоскости. Если аномалия снимала энергию по какому-то экзотическому механизму — архитектура ВН-001 давала возможность перебирать сценарии прямо в поле.

Какая-то комбинация могла проскочить через аномалию. Но гарантий мне никто не давал.

На этот случай я приготовил отдельный модуль — КОР-чип в индивидуальной герметичной упаковке. Положил его в отдельный карман.

Это наша гордость — отечественная микросхема, в которой на одном кристалле собран полноценный радиолокатор.

По сути, это запасной электронный мозг. С ним у меня появлялась возможность полностью переписать логику работы радара.

Пяять микросхемы на коленке в трясущемся БТРе — это фантастика для киношников. В реальности всё решает модульность. Запасной КОР-чип в антистатическом пакете — это вторая «голова» радара. Если лес сожжет мне основную плату, я просто откину крышку, выдерну сгоревший блок пинцетом и вщёлкну новый.

Снял с соседнего стеллажа полевой комплект — защищённый ноутбук, моток высокочастотных кабелей и набор переходников.

Уложил всё в боковые карманы кофра. В отдельный нагрудный карман разгрузки положил флешку с архивом прошивок и калибровочными файлами под все режимы «Уха», которые я собирал последние полтора года.

Я закрыл за собой гермодверь, услышал шипение пневмозамка и зашагал по коридору в сторону шлюзовой камеры.

Двадцать две минуты ушло на то, чтобы натянуть термобельё, втиснуться в бронежилет и получить в оружейке короткий АК-12. Автомат непривычно оттягивал плечо, мешая нести кофр с радаром.

Холод базы закончился, как только открылись тяжелые створы шлюзового ангара. В лицо ударил плотный запах жжёной солярки и нагретой резины. Штурмовая «двойка» — массивный БТР-92 — уже ждала. Я закинул кофр через

боковой люк, подтянулся на броне и рухнул в полумрак десантного отсека. Пневматика зашипела, отрезая нас от опасного мира.

БТР зарычал на третьей передаче, и низкочастотная вибрация от двигателя шла в плечи через броню.

В десантном отсеке нас было пятеро.

Капитан Беляев сидел слева, ближе к командирской башне. Двое стрелков справа — рядовые с позывными «Сом» и «Пятый», в полной броне четвёртого класса, с АК-12 на ремнях, у каждого подствольный гранатомёт, а на бронежилетах двойной комплект магазинов и тактическая аптечка в нижнем кармане. Фельдшер с зелёным крестом на наплечнике — лейтенант медицинской службы. Я — пятый, без боевого позывного, в той же броне четвёртого класса с маркировкой «РАДИО» на груди и спине.

Тусклое красное освещение прошивало отсек ровными столбами от потолочных линеек. По уставу красный свет сохраняет сумеречное зрение на случай ночного выхода из машины. На улице был день, но капитан Беляев включил красный сразу после отбоя стартовой готовности, и никто не возразил.

Я наблюдал за солдатами через узкую полосу света на их забралах.

Сом проверял магазин в АК-12 — выщелкнул, осмотрел, вставил обратно, оттянул затвор до конца хода и плавно отпустил. Сквозь рёв двигателя послышался знакомый сухой

щелчок.

Через двадцать секунд тот же звук повторился со стороны Пятого. Затем затвор пистолета у Беляева и снова Сом — повторная проверка, на этот раз с подствольным гранатомётом.

Здесь, на десантном кресле БТР, я снова почувствовал это знакомое ощущение — молчаливая методичность профессионалов, готовящихся войти в зону, о которой они знают слишком мало. Никаких разговоров и шуток.

В шлемофоне щёлкнул переключатель командной частоты. По внутрисалонной связи пришёл голос Беляева:

— РРС, проверка канала.

Это было ко мне.

— На связи. РРС-410, устойчивый приём, параметры в норме. — Я нажал тангенту на разгрузке.

— База?

Я перевёл взгляд на верхнюю строку планшета. Индикатор связи с базой светился зелёным ровным кружком. Под кружком шла такая же зелёная строка статуса — стандартное, устойчивое соединение.

— База в норме. Сигнал стабильный, потерь пакетов нет.

— Принято. Дистанция до опушки четыреста метров.

Беляев перешёл на внешнюю частоту, что-то быстро бросил механику-водителю про скорость, БТР сбавил обороты, и тряска ослабла.

Я переключил планшет на ВН-001 в режим пассивного

приёма. Антенна в боковом гнезде башни выдвинулась и развернулась по горизонту.

На экране пошёл реальный спектр — знакомая мохнатая зелёная трава помех, как и положено в нормальном эфире. Живая электромагнитная картина мира. Я фиксировал её в памяти — сейчас она была эталоном, с которым я буду сравнивать всё, что увижу внутри Квадрата-4.

— Двести метров, — пришёл голос Беляева в шлемофоне.

Я поднял глаза. В обзорный перископ десантного отсека впереди был виден кусок дороги и стена леса за ней. Слово «стена» здесь подходило буквально. Деревья в Квадрате-4 росли очень плотно — ствол к стволу, кроны находились на высоте сорока метров и смыкались сплошным пологом.

На нашей стороне лес резко обрывался, словно его срубили по линейке. Изумрудно-зелёная плотная масса без единого просвета между стволами поднималась перед нами от земли до самого неба.

Я уже видел этот лес на снимках с орбиты, в кадрах съёмки с дронов и из окна купольного жилого блока базы. Но сейчас он смотрелся иначе — как-то плотнее, что ли.

— Сто метров.

В шлемофоне зазвучал отсчёт. Сом и Пятый дослали патрон в патронник. Беляев положил руку на тангенту, готовый переключить канал на внешнюю связь.

— Пятьдесят.

Я опустил взгляд на верхнюю строку планшета. Инди-

катор связи с базой по-прежнему горел зелёным. Внешние микрофоны корпуса БТР, выведенные на параллельный аудиоканал в моих наушниках, исправно транслировали внешний фон. Слышался рёв собственного двигателя, шорох гусениц по сухой траве и далёкий крик «гарпии» где-то над опушкой.

— Двадцать.

Я почувствовал, как тень от первого ряда стволов упала на лобовую броню БТР и медленно пошла по корпусу назад.

— Ноль. Пересекаем.

В тот момент, когда тень от первых деревьев накрыла башню БТР, эфир умер.

Индикатор связи на моём планшете просто мигнул и выдал системный сбой: «*ОШИБКА. СИГНАЛ = АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ*».

Лес высасывал из пространства саму физику радиоволн. Мы оглохли.

Глава 2.

Едва мы вошли в Квадрат-4, как внешний мир просто выключили.

Рёв нашего двигателя в наушниках остался, но он неузнаваемо изменился — стал плоским и глухим. Исчезло акустическое эхо. Звук лязга гусениц о камни, который секунду назад отражался от опушки, просто пропал. Внешние микрофоны исправно гнали сигнал, но лес пожирал любые звуковые волны, не возвращая ни децибела отражений. Мы словно въехали внутрь гигантской поролоновой подушки.

Краем глаза я увидел Сома — он замер с открытым ртом. Беляев коротко мотнул головой и потянул руку к командному пульту.

Я опустил ладонь на титановый кофр ВН-001. Электромагнитное поле и акустика просто сдохли. Физика здесь работала по чужим чертежам.

Тишина давила на барабанные перепонки так, что хотелось сглотнуть. Сом растерянно стучал по шлемофону, капитан Беляев беззвучно матерился, щёлкая тумблерами рации.

Мы ослепли и оглохли.

Я мгновенно переключил внимание на терминал проводной связи. Тяжёлая катушка, закреплённая снаружи на корме БТРа, исправно стравливала бронированный кабель пря-

мо в мох. База видела нас по стеклу.

Вдруг индикатор сигнала мигнул жёлтым. БТР качнуло на корне, кабель натянулся, и микроизгиб начал глушить свет. Я хладнокровно вбил команду в терминал — индикатор снова загорелся ровным зелёным.

Мы вошли под полог в 14:47 по бортовому времени, семь минут назад.

Восемь экранов в десантном отсеке распределялись между двумя категориями данных. Четыре левых показывали оптический канал — цифровые обзорные камеры высокого разрешения по периметру корпуса.

Четыре правых были тактическими: верхний — лидар АО-200 кругового сканирования, нижний — тепловизор, два средних — карта местности и автоматический пеленгатор источников ЭМ-излучения.

Картинка с оптики была красивой — гигантские стволы поднимались в кадре прямыми колоннами тёмно-серого цвета с редкими зелёными лишайниками у основания. В лесу стоял странный рассеянный свет без чётких теней. На уровне нижних ветвей повсюду светился биолюминесцентный мох. Камера передавала это богато и подробно, каждый блик на влажной коре и каждую жилку на крупном листе.

На правых четырёх мониторах не было ничего.

Лидар АО-200 показывал ровный белый шум с обрывками точек на дистанции до пятнадцати метров — это были ближайшие листья и ветви, отражающие импульсы зондиро-

вания. Дальше первого ряда стволов сигнал не возвращался. За пределами этого кольца карта местности оставалась пустой — система не могла построить геометрию пространства, не видя дальних опорных точек.

Тепловизор показывал однородный тёмно-серый прямоугольник.

Пеленгатор тоже молчал по всем диапазонам. Это меня уже не удивляло. Удивляло другое — оптика работала. Видимый свет свободно проходил через эту среду. В этом была первая зацепка по физике аномалии — лес работал избирательно.

Капитан Беляев смотрел на тактические мониторы со знакомым мне выражением. Лет двенадцать назад я видел такое же выражение у командира взвода, когда у нас на учениях по горнолесной обстановке отказал весь комплект ночного видения и пришлось работать по карте, компасу и звукам в радиусе двадцати метров.

Майор Ковалёв сидел в командирском кресле впереди, рядом с механиком-водителем — его голос приходил в десантный отсек через гарнитуру.

— Доложить обстановку по тактическим средствам.

— Центр, БТР-3, — ответил Беляев. — Оптика работает, лидар не видит дальше пятнадцати метров, тепловизор пуст, пеленгатор по эфиру тишина. Внешние микрофоны молчат.

— Принял.

Пауза была короткой, секунды три. Я представил, как Ко-

валёв смотрит на свои дублирующие экраны впереди и хмурится. На этом БТР стояло вооружения на полтора миллиарда, а ехали мы фактически вслепую.

— БТР-3, скорость пять. Сом, Пятый — к наружным люкам, наблюдение визуально через триплексы. Беляев, перевести оптику в круговую развёртку. Радио, что у тебя?

Я моментально ответил.

— Центр, РРС. ВН-001 на боевом прогреве, восемьдесят пять процентов готовности. По активному зондированию пока ничего. Дам комплексный отчёт через четыре минуты, когда выйду на полный режим.

— Принято.

В отсеке стало совсем тихо.

Сом и Пятый молча отстегнули ремни и переползли к боковым триплексам. Оба прижали приклады АК-12 к плечу, не опуская ремень — было понятно, что хоть их и натаскивали на подобное, но им всё равно было неудобно. Хорошо обученный стрелок плохо переносит ситуации без видимой цели. Стрелять было не во что.

БТР переехал что-то крупное — может, выступающий корень, может, упавший ствол под слоем мха. Корпус качнуло вбок и резко вверх, и я прижал планшет ладонью к коленям, чтобы он не сорвался. Беляев тихо матюгнулся в гарнитуру, потом сказал ровным голосом:

— Центр, БТР-3. Грунт неоднородный, лидар не справляется с привязкой. Просим разрешения на минимальную ско-

рость и щуп.

— Разрешаю. Скорость три.

«Щуп» — это длинная пластиковая палка, которую высовывают из БТР через специальный лючок, чтобы щупать дорогу.

— Люблю современную науку, — негромко сказал я в общий канал. — Мы пролетели сорок световых лет, построили орбитальную группировку, напичкали этот БТР электроникой на полтора миллиарда рублей... и теперь наш главный навигационный прибор — это двухметровая швабра.

Кто-то из стрелков коротко хмыкнул сквозь зубы. Напряжение в броневишке чуть отпустило.

Мониторы оптики продолжали показывать сказочно красивый пейзаж. Где-то справа в кадре пролетела мелкая тень — то ли местная летающая тварь, то ли упавший лист, я не успел рассмотреть.

Снова посмотрел на ВН-001. Цифра прогрева подползла к девяноста двум процентам. Через две минуты машина выйдет на полный боевой режим.

В наушниках снова щёлкнул переключатель командной частоты.

— Внимание группе, — голос Ковалёва из переднего отсека был сухим и предельно ровным. — Дистанция от опушки четыреста семьдесят метров.

БТР замедлился. Внешние микрофоны по-прежнему молчали.

Только теперь я отчётливо понял ощущение, которое появилось у меня минут двадцать назад и не уходило. Мы будто залезли в желудок чего-то очень большого. И это что-то нас просто медленно переваривало.

«Ухо» показало девяносто восемь процентов.

Я отщёлкнул кофр на коленях и поднял крышку. Наконец-то можно выпустить станцию в эфир и получить ровно ту же зелёную линию, которую видел на стационарном анализаторе.

Поставил рядом с кофром налобный фонарик.

— Капитан. Прошу не отвлекать в течение восьми минут. Буду модифицировать ВН-001 по сервисной процедуре, без пайки.

Беляев повернул голову.

— Это безопасно?

— Высокое напряжение в прибор не подаётся. Работаю штатными мезонинными модулями. Восемь минут.

— Принято. Группа, тишина в отсеке, не отвлекать оператора.

Я надел на левое запястье антистатический браслет и прицепил крокодил к корпусу БТР через специальный заземляющий контакт у обшивки. Открыл нижний поддон кофра и достал полевой сервисный набор.

Корпус «Уха» был стянут двенадцатью титановыми винтами по периметру верхней крышки. Я по очереди ослабил каждый стандартным шестигранником, придерживая ладо-

нюю крышку, чтобы её не сорвало. Винты складывал по часовой стрелке в отдельный лоток — терять их не хотелось.

БТР качнуло на корне. Один из винтов выскользнул из пинцета и заскакал по плёнке. Я придавил его пальцем у самого края, поймал и положил обратно.

— Твою же мать.

Крышка снялась с лёгким щелчком. Внутри ВН-001 раскрылась вся та архитектура, которую я в обычной жизни видел только на экране отладочной утилиты и на сборочной презентации завода в Питере.

В центре корпуса тускло поблескивала плоская матрица АФАР. Сотни крошечных титановых приёмо-передающих модулей, упакованных плотнее, чем соты в улье. Каждый — размером со спичечный коробок. Стоит космических денег, а выглядит как игрушка для параноиков.

Главное для меня находилось в правом верхнем секторе платы — стандартный мезонинный слот сигнальной обработки. В этом слоте сидела сменная плата, отвечающая за фильтрацию принимаемого сигнала перед передачей в основной КОР.

Мой план менял именно её.

И план был жёсткий.

Первое: извлечь штатную плату.

Я нажал двумя пальцами на пружинные защёлки слота. Они отжались с двумя сухими щелчками. Подцепил её за технологические выступы пинцетом и вынул вертикально

вверх. Положил на антистатическую плёнку рядом, не вытаскивая из кофра.

Второе: установить мезонинный модуль с КОР-чипом.

Достал герметичный антистатический конверт. Внутри лежала мезонинная плата KOR-MEZ-002 — заранее собранный сборочный модуль. Этот мезонин я собирал полтора года назад как рабочий макет под экзотические задачи. До сегодняшнего дня применять его не приходилось.

Выровнял ножки мезонина над посадочным разъёмом, опустил плату на полсантиметра, дождался, пока БТР пройдёт ровный участок, и довёл её до контакта. Прижал ладонью с равномерным усилием и услышал двойной щелчок защёлки — плата села.

На корпусном дисплее планшета мигнула строка:

Мезонинный слот 0: неопознанное устройство id 0xKOR-MEZ-002

Контроль целостности оборудования: ОТКАЗ

Модуль отклонён.

Возврат в безопасный режим.

Это было ожидаемо.

Аппаратная защита радара просто так чужой чип не пропустит. Но я знал, как её обойти. Достал из кассеты технологическую перемычку — крошечную скобу.

Ковалёв, наблюдая, как я лезу пинцетом в недра прибора стоимостью с чугунный мост, мрачно спросил:

— Ты сейчас уверен, Марк?

— Майор, — я аккуратно замкнул контакты, обходя контроллер безопасности. — Если мы отсюда не выберемся, то какая разница, да? А если выберемся, я скажу техподдержке «Заслона», что пломбу сожрали инопланетные термиты. И пусть только попробуют не поверить.

На дисплее мигнуло. Чип сел как влитой.

Мезонинный слот 0: устройство id 0xKOR-MEZ-002 (принудительное разрешение принято)

Контроль целостности оборудования: ОБОЙДЁН

Загрузка конфигурационной прошивки...

Обычно радар работает просто: плюнул радиоволной — поймал отражение. Но моя новая прошивка с отечественного КОР-чипа ломала эту логику под корень.

В каждом из восьмисот модулей нашей антенны стоят крошечные акустические фильтры. В нормальных условиях их чувствительность к малейшей тряске — это «паразитная помеха», с которой инженеры на заводах яростно борются. Но сейчас эта помеха была моим единственным шансом.

Я пустил питание в обход и заставил КОР-чип слушать «паразитный шум» со всех фильтров разом. Мы перестали орать радиоволнами в эту инопланетную чёрную дыру. Мы скорее стали огромным ухом, которое слушало вибрацию самой планеты.

Ха, не зря называл так прибор.

Этот трюк я отрабатывал на стенде последние шесть месяцев, но в поле применял впервые. На дисплее планшета

побежали зелёные строки самотеста:

Конфигурация: переопределена

Основной КОР-чип: активен

Антенная решётка: переведена в режим микрофона

Выходной поток: построение карты вибраций...

Система работала.

Свёл крышку обратно, прихватив на четыре винта по диагонали для последующего быстрого доступа, и стянул антистатический браслет с запястья.

Беляев молчал. Я скосил глаза и увидел, что он смотрит на меня. Сом и Пятый тоже. Кто-то из них даже дышал через нос, чтобы я не сбивался. Капля пота сорвалась с моего виска и шлёпнулась на антистатическую плёнку — я машинально вытер её рукавом.

— Готово. Центр, БТР-3, РРС. ВН-001 переведена в пассивный акустико-волновой режим. Через пятнадцать секунд получу первое изображение.

— Принято, — отозвался Ковалёв.

Я нажал кнопку «начать сканирование» на планшете. До формирования первого кадра оставалось совсем немного.

Перевёл взгляд с дисплея на Беляева.

— Капитан, прошу остановки. Нужен чистый кадр без помех от собственного движения.

— Принято. Механик-водитель, стоп.

БТР встал плавно, без рывка. Двигатель снизил обороты до глухого ровного гула, лязг гусениц прекратился.

Я перевёл взгляд на индикатор накопления первого кадра, и время тянулось слишком долго.

Сетка на планшете постепенно заполнялась цветом.

— Сейсмо-фон, — сказал в гарнитуру.

— Что? — Беляев повернулся.

— Картина с прибора. Это сейсмический и акустический фон леса в полосе пассивного приёма. Звуковые волны, вибрации почвы, низкочастотные колебания. Сейчас включу активный режим — будет картинка с разрешением.

Перевёл планшет на вторую страницу управления. На ней стояла одна кнопка с маркировкой «Seismo-acoustic probe». Этот режим я добавил в прошивку три месяца назад как эксперимент без особой надежды на практическое применение.

Принцип режима был простой и красивый. Если лес жрёт сигналы в воздухе, мы пойдём под землёй.

Антенна должна была ударить мощным микроволновым импульсом прямо в грунт под гусеницами БТРа. От резкого энергетического удара почва микроскопически содрогнётся, и корневая система деревьев отзовется на эту вибрацию, как натянутые струны. А мы этот звон поймаем нашими фильтрами.

Я ткнул в кнопку.

«Ухо» отработало короткую программную команду. Радар ударил в грунт серией коротких, жёстких импульсов. Доли секунды спустя по матрице акустических фильтров пробежал ответный отклик среды.

КОР-чип переварил отклик за полторы секунды.

То, что я увидел, заставило меня на секунду забыть, что я в БТР.

Старая двумерная карта пропала.

На её месте развернулась трёхмерная объёмная сцена в условных цветах — лёгкий бирюзовый фон, оранжевые контуры структур, тонкие сиреневые жилы — карта подповерхностного слоя на глубину до сорока метров. Снизу шла однородная масса грунта с лёгкими вариациями плотности — обычная геология.

А вот над грунтом, в зоне корней, начиналась структура.

То, что я увидел, было невозможно по биологическим причинам.

Корни расходились под идеально прямыми углами. Никакого природного хаоса. Это повторялось на всех уровнях — от толстых подземных стволов до мельчайших капилляров. Грёбанный чертеж. Я видел такую геометрию на полигонах АО «ЗАСЛОН». Матрица из радиопоглощающих пирамид, которой обшивают безэховые камеры, чтобы глушить любые излучения. Только здесь эта «глушилка» была выращена из живой древесины. Лес работал как гигантский акустический поролон.

Невероятно!

— Капитан, — сказал я в гарнитуру. — Передай майору Ковалёву. У меня изображение.

В общий канал вошёл майор:

— РРС, доложите. Что видите?

— Центр, РРС. Лес искусственный. Вся корневая система выстроена по строгой геометрии, как изолятор на полигонах. Это гигантская акустическая глушилка. Излучать в эфир бесполезно, нас сожрёт среда.

В наушниках наступила долгая пауза.

— Принято, — сказал наконец Ковалёв. — РРС, ВН-001 видит вездеход «Ермак»?

Перевёл взгляд на экран. Карта занимала весь дисплей, но в дальнем углу, шёл сектор данных, который я ещё не успел разобрать. Несколько ярких оранжевых пятен на грунте, которые могли быть чем угодно — как упавшим стволом, так и выходом скал или локальной аномалией. А может и машиной с тёплым двигателем.

— Есть кандидат, — сказал я. — Дистанция две тысячи четыреста метров, направление два-семь-ноль. Высокая плотность подповерхностного отклика, возможный тепловой профиль. Нужно подъехать ближе, чтобы выйти на рабочее разрешение.

— Понял, давай-ка сюда.

Я отстегнул ремни и полез в кабину механика-водителя через узкий лаз переходного люка, ободрав плечо о кронштейн огнетушителя. Впереди пахло разогретым пластиком и солярой. Майор Ковалёв молча вытащил себя из командирского кресла, уступая мне место у тактического дисплея, и боком протиснулся мимо меня в десантный отсек. Смена

позиций заняла секунд десять пыхтения в тесноте.

Так было удобнее по карте — один монитор на торпеде показывал штатный обзор оптики, второй я отвёл под планшет ВН-001 с трёхмерной картой подповерхностного слоя.

— Препятствий по карте пока нет, — я говорил в гарнитуру тише обычного. — Едем, скорость три.

Водитель — сержант Хабилов — кивнул и плавно тронул машину.

Двигатель БТР сменил тон, гусеницы тронули грунт. Картинка на дисплее планшета медленно поползла назад — карта обновлялась с каждым новым кадром.

Я не отводил глаз от того угла экрана, где сидели оранжевые пятна. Если это «Ермак», через десять минут мы будем рядом.

— Чуть влево, — подсказал водителю. — Препятствие на одиннадцать часов через двенадцать метров.

Хабилов плавно повернул штурвал. БТР обошёл крупный подземный выступ и пошёл дальше. На экране передней камеры впереди не было ничего, кроме всё той же изумрудно-зелёной стены.

Каждые пятнадцать секунд КОР-чип строил новый кадр подповерхностного слоя в радиусе двух с половиной километров. По мере нашего продвижения дальний угол карты постепенно подходил ближе и прорабатывался с большим разрешением.

Я смотрел туда и пытался разобраться, что именно означают

эти пятна. Картинка прояснялась медленно. На дистанции полтора километра уже был виден приближённый сектор — несколько ярких источников плотного отклика. На грунте лежало тёплое металлическое тело. По профилю и размеру оно походило на «Ермак».

На километре до цели картина начала разворачиваться по-новому. На карте появилось чёрное пятно.

Чернота этого пятна отличалась от всего окружающего. Пятно оставалось серым до полного отсутствия цвета, неподвижным, без малейших колебаний. Карта обновилась через секунду, потом через две, потом через пять. На каждом следующем кадре пятно всё так же держалось мёртвым.

На экране радара весь лес пульсировал, передавая микро-вибрации по корням. Но в центре этого живого океана зияла абсолютно мёртвая зона.

В нашей профессии это называется «акустическая тень». Идеально ровный, глухой прямоугольник, который не дрожал от ветра и не пропускал сквозь себя ни единого звука. Природа не рисует таких геометрически безупречных углов.

Эта немая, холодная пустота на экране имела точные габариты двенадцатитонного куска металла. Я смотрел на пятно, и по спине полз холодок. Мы нашли «Ермак».

— Центр, РРС, — голос вышел суше обычного. — Курс два-семь-ноль, дистанция восемьсот. Контакт. По профилю — крупный металлический объект, прямоугольные пропорции, размер шесть на три метра.

— Подтвердите.

— Подтверждаю. Объект не даёт сейсмо-отклика и не передаёт собственных вибраций. Это «Ермак».

— Группа, готовность номер один. Хабиров, скорость два, дистанция остановки сто метров от объекта.

Сом и Пятый коротко переговорили на боевой частоте — что-то про сектора, прикрытие и порядок выхода. Беляев работал штатно.

Хабиров плавно сбросил скорость. Пятно акустической тени росло.

Через шесть минут я уже различал характерный силуэт «Ермака». Двигатель не давал теплового профиля. По всем признакам аппарат стоял мёртвый и холодный.

— Передо мной чистая зона, — доложил Хабиров. — Подлесок редееет, на одиннадцать часов просвет.

— Принято. Малым ходом вперёд.

Я перевёл взгляд на лобовой триплекс кабины. Через узкую прямоугольную щель были видны просветы между стволами. Сменился и характер света — рассеянная зелёная подсветка ушла, прорвался более чистый и белый дневной свет.

БТР раздвинул последние ветви.

Перед нами открылась круглая поляна — идеально правильный круг, без единого ствола в пределах окружности. Полог леса смыкался по краю поляны ровной зелёной стеной, над центром стояло открытое небо.

И в центре круга стоял «Ермак».

Я упёрся в него взглядом. Машина стояла на ровном грунте, без видимых повреждений корпуса.

Только она вся была покрыта толстым белым инеем, толщиной не меньше трёх сантиметров. С антенн на крыше и с зеркала бокового вида свисали короткие сосульки. Под колёсами растекался белый круг изморози.

Вокруг «Ермака» был влажный тропический лес. Температура воздуха снаружи держалась в районе двадцати восьми градусов — в таких условиях вода физически не могла образовывать иней.

В наушниках кто-то — наверное Сом — медленно выдохнул сквозь зубы.

Хабилов повернул ко мне голову. На забрале его шлема я увидел собственное отражение — фигуру в бронежилете с горящим налобным фонариком.

— Центр, РРС. Подтверждаю объект. «Ермак» в центре поляны. Состояние машины визуально целое, без видимых повреждений корпуса. Аппарат покрыт инеем по всей поверхности.

Пауза в наушниках длилась чересчур долго.

— Принято, Марк. БТР-3, стоп. Дистанция остановки сорок метров от объекта, без выхода из машины. Ждите дальнейших указаний.

Хабилов плавно остановил БТР.

Я сидел и смотрел на «Ермак», ждал указаний от Ковалёва и пытался понять, что мы только что нашли.

И живы ли наши биологи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.